

Лишившись последней надежды, Янь Тин потерял всякий аппетит и к овсянке больше не прикоснулся.

До начала съёмок оставалось свыше двух часов. Сяо Чжан вытащил визажный кейс и протянул его Сюй Юньшаню:

— Это от сестры Цзянцзян. Здесь всё, чем обычно пользуется брат Янь, поддержи пока у себя.

Внутри стройными рядами стояли флаконы и баночки — сплошь свежие новинки. О многих из них Сюй Юньшань был наслышан, но из-за кусачего ценника никогда не мог себе позволить. С нескрываемым любопытством он поднял стеклянный флакончик, переливающийся тёмными искорками ночного неба, и стал крутить его в руках.

Выбор профессии визажиста в своё время проистекал именно из этой тихой страсти. В студенческие годы один его приятель увлёкся стримами. Сюй Юньшань помогал ему с гримом и тогда впервые по-настоящему прикоснулся к миру косметики. В итоге он стал персональным визажистом друга, а тот даже уговорил его попробовать себя в роли бьюти-блогера.

Из этого, впрочем, ничего не вышло. В бьюти-сфере хватало признанных гениев, а сам Юньшань совершенно не умел продвигать контент — его ролики безнадежно тонули в общей массе. К тому же он и в жизни-то особыми эмоциями не отличался, а перед камерой и вовсе деревянел. На эти видео ему и самому-то смотреть было тошно.

— Это личная косметика брата Яня, больше никому использовать нельзя. Для обычной съёмки бери что хочешь, но если подпишут контракт со спонсорами или на рекламу, делай строго по инструкциям бренда, — напутствовал Сяо Чжан, а затем протянул смартфон: — Давай обменяемся контактами в Вэйсине, я скину номер сестры Цзянцзян. Если возникнут вопросы, сразу пиши ей.

Сюй Юньшань поставил стеклянный флакон обратно и одарил ассистента долгим взглядом:

— Я просто пришёл помочь на один раз. Нам ни к чему усложнять.

— А... как? — Сяо Чжан растерянно застыл и перевёл недоумённый взгляд на Янь Тина. — Разве мы не будем постоянно работать вместе?..

Янь Тин не удостоил ассистента ответом. Его лицо, только-только начавшее проясняться, снова омрачилось. Опустив пиалу с овсянкой, он бросил Сюй Юньшаню:

— Сначала наложи грим. Причёску сделать сумеешь?

— Угу.

Янь Тин запрокинул голову и прикрыл глаза. Сюй Юньшань пододвинулся ближе и молча принялся за работу.

Оба относились к своим обязанностям со всей ответственностью. Атмосфера между ними не располагала к теплоте, но в профессиональном плане они способны были сохранять полный нейтралитет.

На улице стоял самый знойный час. Съёмка планировалась в традиционном китайском стиле: многослойные тяжёлые наряды, плотный парик. Постоишь на такой жаре пару минут — и мгновенно изойдёшь потом. Поскольку в любой момент мог потребоваться поправляющий грим, Сюй Юньшань отправлялся на площадку вместе со всеми.

Профессионализм Янь Тина как всегда оставался безупречным. Стоило ему ступить на площадку, как озарившая лицо улыбка напрочь смахнула всё недавнее раздражение. Он заводил непринуждённые беседы с персоналом, будто со старыми знакомыми.

Сюй Юньшань, надвинув на лоб натянутую ещё в машине кепку, молча наблюдал со стороны. На мгновение ему показалось, будто эта сцена выхвачена из прошлого — точь-в-точь как семь лет назад.

Янь Тин всегда притягивал людей. Вокруг него вечно вился рой обожателей, и каждый раз, взглянув на него, Юньшань видел эту беспечную, вальяжную улыбку человека, привыкшего, что весь мир вертится исключительно вокруг него.

Именно эта улыбка обеспечивала ему безусловную любовь учителей и одноклассников. Даже с посредственной успеваемостью его без колебаний выбрали старостой, и любое классное мероприятие проходило под его чутким руководством.

Сюй Юньшань до сих пор помнил, как перед новогодним праздником Янь Тин вольно-невольно увлёк его идеей устроить совместное выступление от всего класса. То был первый раз за десять с лишним лет, когда Юньшань согласился участвовать в чём-то общественном. И последний.

Впрочем, всё ограничилось лишь репетициями. Накануне праздника у Хэ Мучжи подскочила жуткая температура, его увезли в больницу, а мать, потеряв контроль над собой, заперла Сюй Юньшаня в комнате.

Запечатлевшиеся в памяти слова матери до сих пор звенели в ушах: «Брату так плохо, а тебе не стыдно думать о школьном празднике?! Для кого ты собрался веселиться?!»

— Всем спасибо за работу, перерыв! — выкликнули из толпы, возвращая Сюй Юньшаня к реальности.

Фокус зрения медленно вернулся, и он увидел Янь Тина, подходившего к нему с

развевающимися широкими рукавами, расписанными тушью. С одной стороны около него суетился Сяо Чжан с портативным вентилятором, с другой — шагал фотограф, не спускавший восхищённого взгляда с получившихся кадров на экране камеры.

С противоположной стороны подбежали ассистенты, волоча в обеих руках тяжёлые пакеты, и с жаром окликнули съёмочную группу:

— Намаялись на жаре? Мы привезли молочный чай, разбирайте!

Народ мигом оживился. Девушка-ассистент, раздававшая напитки, дошла до Сюй Юньшаня, споткнулась взглядом и замёрзла, будто только сейчас заметив его присутствие. Она смущённо всплеснула руками:

— Ой... Не хватило! Извините, пожалуйста, я вас совсем не заметила...

Сюй Юньшань поднял глаза и едва заметно тронул уголки губ:

— Ничего страшного.

Девушка заворожённо уставилась на его лицо, и то ли от какой-то неожиданной мысли, то ли от смущения её щёки вспыхнули румянцем:

— А что вы любите? Я сбегая и докуплю!

Сюй Юньшань открыл было рот, намереваясь отказаться, но его опередил голос Янь Тина:

— Отдай ему мой, — заявил Янь Тин. — Всё равно сижу на диете, мне нельзя.

Фотограф, протягивавший Янь Тину стакан, опешил:

— Да куда тебе ещё худеть? И так одни кости остались!

Янь Тин усмехнулся:

— Скоро входящие съёмки в новом проекте, нужно точно попасть в образ. Режиссёр У сказал сбросить минимум до шестидесяти килограмм.

Фотограф смерил его почти двухметровый рост откровенно перекошенным взглядом:

— Это что за роль такая, ради которой надо довести себя до состояния тени?

— Подробности раскрывать не могу, но персонаж с весьма трагической судьбой.

— У Цюфэн вечно тянет на подобную драму, — рассмеялся фотограф. — Но мне такое по душе, жизненно. Заболви за меня словечко перед режиссёром У, пусть на промо-постеры меня зовёт.

— Идёт, обязательно передам.

Приняв стакан с чаем, Сюй Юньшань какое-то время слушал непринуждённый трёп съёмочной группы, но вскоре почувствовал, как чужое оживление начинает его тяготить, и тихо ускользнул в небольшую беседку неподалёку.

К шести вечера палящий зной спал. Беседка укрылась в тени небольшого леска, и без палящих лучей воздуха коснулся свежий аромат луговых трав.

На душе у Сюй Юньшаня стало спокойно. Глядя на раскинувшийся за горизонтом закат, он почувствовал острое желание перенести эту красоту на холст. Не имея под рукой мольберта, он достал телефон, чтобы сделать хотя бы снимок.

Камера запустилась в режиме селфи, и на экране Юньшань увидел половину собственного лица, а за ним — знакомый силуэт.

Янь Тин, заметивший себя в объективе, не упустил случая белозубо улыбнуться и вскинуть пальцы в знаке «V».

Сюй Юньшань молча ткнул кнопку переключения камеры, и экран мигом заполнило тёплое оранжевое небо.

Опустив руку, Янь Тин с сокрушённой миной шагнул к беседке:

— Ты хоть представляешь, сколько людей мечтают сделать со мной совместное фото?

Едва он приблизился, как Юньшаня обдало жаром: Янь Тин всё ещё парился в многослойном традиционном костюме и тяжеленном парике, напоминая ходячую печку.

Не удостоив его ответом, Сюй Юньшань продолжал наводить кадр, однако старенький телефон безбожно тормозил, а низкое разрешение убивало всю эстетику.

Пока он тщетно пытался сфокусироваться, прямо перед его носом появился другой смартфон — точно такой же модели, но последней версии.

— Сними на мой, потом перекину тебе, — предложил Янь Тин.

Широкий шёлковый рукав заслонил собственный экран Сюй Юньшаня. Помедлив, Юньшань принял гаджет и незаметно отодвинулся в сторону на добрый полвершка.

Неизвестно, чем таким надушился Янь Тин, но даже спустя целый день съёмок и ведра пролитого пота этот парфюм не потерял своей стойкости.

И хотя движение Юньшаня было едва уловимым, Янь Тин моментально перехватил его запястье:

— Взял вещь и сразу давать дёру?

Чужая ладонь обжигала. Сюй Юньшань нахмурился и вырвал руку:

— Жарко. Сядь подальше.

Янь Тин отсел на полметра и с помрачневшим видом уставился на Юньшаня.

Новый флагман работал безупречно. Сюй Юньшань увлечённо сделал несколько снимков пейзажа. Янь Тин продолжал сверлить его тяжёлым взглядом; не желая вступать в диалог, Юньшань принялся усердно обрабатывать фотографии.

Фотограф из него был аховый, а в обработке он и подавно ничего не смыслил. Когда снимки превратились в нечто совершенно неудобоваримое, Янь Тин наконец подал голос:

— Осталась ещё одна павильонная съёмка. Как только они соберут реквизит, вернёмся в студию. Кстати, это совсем рядом с твоим старым домом.

Сюй Юньшань слегка замер, мгновенно осознав, о чём речь. В период их близкого общения Янь Тин как-то раз подвозил его туда, хоть и прождал лишь у подъезда.

Юньшань опустил веки:

— Ты помнишь.

— Один из лучших элитных ЖК в городе, такое хрен забудешь, — Янь Тин вновь пододвинулся ближе и непринуждённо бросил: — Вот хоть убей, не понимаю. У тебя семья с десятками миллионов состояния, на кой чёрт ты так жилы рвёшь на этой работе?

— Не твоё дело, — холодно отрезал Юньшань.

Янь Тин не отступал:

— А труба эта твоя? Ты ж с ней ещё в одиннадцатом классе ходил. До сих пор не сменил?

— Не твоё дело.

— И в школе то же самое: приезжал на тачке за несколько лямов, а шмотки и вещи носил древние. Ты что, сентиментальный у нас? — И, не давая Юньшаню вставить слово, сам же и отчеканил: — Не моё дело.

Сюй Юньшань:

—...

— Чёрт, — обессиленно ругнулся Янь Тин. — Ладно, раз всё «не моё дело», молчу.

Сюй Юньшань покосился на него. Янь Тин подогнул ноги и, подперев щеку рукой, с удручённым видом уставился в небо.

Юньшань сжал в пальцах телефон. Ему хотелось уйти, но там, у площадки, толпились чужие люди. Лучше уж сидеть здесь, чем выдавливать из себя фальшивую вежливость в незнакомой компании.

Закат угасал, от солнца остался лишь алый полукруг. Сюй Юньшань держал два смартфона и рассеянно смотрел вдаль, ощущая в голове звенящую пустоту.

Спустя неопределённое время Янь Тин шевельнулся и сбросил верхнее ханьфу.

— До смерти жарко, — он взъерошил густые волосы парика и снова повернулся к Юньшаню. Тот сегодня был в обычной одежде без опознавательных брендов, выглядевшей совсем новой. — А тебе не жарко? В длинном рукаве сидишь и хоть бы капля пота проступила.

Сюй Юньшань инстинктивно ушёл в глухую оборону: разговоры о его одежде никогда не предвещали ничего хорошего.

Глядя прямо перед собой, он равнодушно роздал:

— Хладнокровие освежает.

Янь Тин окинул его взглядом, усмехнулся и, совершенно бесшумно подобравшись ближе, вдруг цапнул Юньшаня за руку. Его большой палец забрался в чужую ладонь и слегка погладил внутреннюю сторону:

— Да у тебя руки ледяные. А ты и впрямь хладнокровный.

Сюй Юньшань вздрогнул, но многолетняя привычка держать лицо спасла его от нелепой реакции.

Никто и никогда не позволял себе подобной беспардонности. Никто, кроме Янь Тина.

Семь лет назад Янь Тин вытворял ровно то же самое: вглухую игнорировал выстроенную дистанцию и напролом ломился в его тщательно охраняемую личную зону. И вот всё повторяется.

Ещё утром они цапались в пух и прах, а теперь этот парень ведёт себя так, будто они старые добрые друзья.

Опять хочет усыпить бдительность, чтобы потом сделать из него посмешище?

Сюй Юньшань едва заметно нахмурился, внутренне поджавшись. Вступать дважды в одну и ту же реку он не намеревался.

Выдернув руку, Юньшань сжал пальцы в кулак и боковым зрением зацепил стоявший рядом стакан:

— Чай со льдом.

Он поднёс стакан к губам и прикусил трубочку.

Он рассчитывал, что тема закрыта, но Янь Тин внезапно навалился всем телом. Сюй Юньшаня накрыла огромная тень, а на плечо опустилась тяжёлая голова.

Янь Тин вытянул шею, бросил взгляд на молочный чай, а затем потёрся подбородком о его плечо и заглянул за спину.

Юньшань замер, скованный странным, давно забытым чувством. Сердце против воли заколотилось в ускоренном ритме, выбив из головы все мысли о сопротивлении.

... Он что, с ума сошёл?

Янь Тин, похоже, не усматривал в своём поведении ни капли странности. Убедившись, что они надёжно скрыты от чужих глаз, он таинственно прошептал прямо в ухо Юньшаню:

— Дай глоток чая?

Сюй Юньшань мгновенно очнулся от нахлынувшего оцепенения и потерял дар речи:

— Ты почему вечно то тыришь еду, то таскаешь напитки?

— Я бы с радостью при всех попил, да только на мне гиперопека, — Янь Тин поднял руки Юньшаня вместе со стаканом, спрятав их обоих в пышных широких рукавах костюма. И с абсолютной серьёзностью пообещал: — Честно, ровно один глоток, просто горло освежить. Я крышку сниму, твоей трубочки губами даже не коснусь.

... Почему это звучит так двусмысленно?

Сюй Юньшань опустил голову, слегка повернув стакан в руках; его эмоции укрылись в тени козырька.

Он не видел, как взгляд Янь Тина скользнул с края козырька кепки на щёку и задержался на губах.

Спустя секунду Юньшань снова обхватил губами трубочку и в пару быстрых глотков допил остатки чая, оставив на дне лишь нерастаявшие кубики льда.

Затем медленно поднял руку и ткнул холодным пластиковым стаканом прямо Янь Тину в щёку.

Ледяной холод мгновенно обжёг кожу, и Янь Тин услышал ровный, бесстрастный голос Сюй Юньшаня:

— Обойдётся этим.

<http://bllate.org/book/20603/2115576>